Альманах «Соловецкое море». № 3. 2004 г.

Люди Соловков: портреты и судьбы

Раиса Денисовна Сысоева (1915–1997)

«Любишь сильней и больнее»

Раиса Денисовна Сысоева (в девичестве Жеребцова) родилась 2(15) сентября 1915 г. в Петрограде, в семье служащего. В 1933 г. закончила хоровое училище при Государственной капелле им М.Глинки.

Зимой 1927–1928 гг. в составе хора капеллы под руководством М.Г.Климова принимала участие в гастролях по Германии и Италии. Поступила в Народную консерваторию (класс скрипки). Одновременно работала учителем музыки в школе № 7 Ленинграда, пела в хоре церкви Пресвятой Троицы.

В апреле 1935 г. хор был арестован, а его участники осуждены по статьям 58–10, 58–11 («контрреволюционная группировка», «антисоветская агитация»).

Трехлетний срок заключения отбывала в Медвежьегорске. Работала в симфоническом оркестре театра Беломоро-Балтийского комбината при НКВД СССР. С 1936 по 1938 гг. поставила оперы «Пиковая дама», «Царская невеста», «Тоска», «Сельская честь», «Паяцы».

После освобождения служила в том же театре в качестве вольнонаемного режиссера-постановщика и дирижера. В 1940 г. театр НКВД переведен в Петрозаводск и преобразован в Республиканский театр музыкальной комедии, где к июню 1941 г. стараниями Раисы Эверс (таким был в то время псевдоним Раисы Денисовны) репертуар пополнился опереттами «Сильва», «Розмари», «Свадьба в Малиновке», «Холопка».

В январе 1942 г. получила приглашение работать музыкальным руководителем в Соловецком Доме Флота.

В 1959–1960 гг. поставила оперу «Евгений Онегин».

После ликвидации на Соловках Учебного отряда работала в поселковой школе до 1995 г.

С сентября 1991 по сентябрь 1993 г. преподавала сольфеджио и хор в Соловецкой школе искусств. Умерла и похоронена на Соловках в 1997 г.

В «кировском потоке»

Ленинградское хоровое училище в 20–30-х гг. по уровню преподавания было уникальным. Туда принимали детей, прошедших серьёзные испытания на сцене концертного зала Капеллы. Учили и воспитывали детей лучшие педагоги Ленинграда. Руководил Капеллой и училищем замечательный музыкант М.Г.Климов — профессор консерватории, дирижёр и руководитель оперной студии.

В 1928 г. концертный хор и детский в его составе совершил гастрольную поездку по Европе. Коллектив дал концерты в 24 городах Германии, Австрии, Швейцарии, Италии. Творческая и духовная атмосфера этого хора была эталоном, которым всё измерялось в жизни Раисы Денисовны.

Будучи студенткой Народной консерватории по классу скрипки, она также работала в школе, руководила оркестром при кинотеатре, пела в церковных хорах.

В 1935 г., после убийства С.М.Кирова, в «кировском потоке» был арестован весь хор церкви Пресвятой Троицы в Лесном. После 2-х допросов без суда выносится приговор: «...Жеребцову Р.Д., активную участницу контрреволюционной фашистской группировки, руководителя церковной молодёжи, систематически ведущую антисоветскую агитацию, приговорить к 3-м годам лишения свободы по статье 58.10–58.11 УК РСФСР с отбыванием наказания на строительстве Беломоро-Балтийского канала».

Девятнадцатилетняя Рая становится артисткой оркестра театра ББК при НКВД СССР. Профессиональная подготовка и творческие способности позволили ей за короткое время из группы вторых скрипок пройти путь до дирижёра симфонического оркестра. Сначала были выступления при замене главного дирижёра, затем и самостоятельные спектакли. Можно предположить, что Раиса Денисовна была первой в СССР женщиной-дирижёром симфонического оркестра. Лишь отсутствие систематизированных данных о работе театров в структуре НКВД не позволяет определить это однозначно.

Годы заключения окончились в 1938 г., но по тайному доносу и по распоряжению за подписью Л.Берии продлились на 5 лет ссылкой в Казахстан, но руководство ББК тайно ослушалось распоряжения. Ссыльную Жеребцову вывели на вокзале из строя и отвезли на спектакль «Пиковая дама» как дирижера. По свидетельству дочерей, Раиса Денисовна даже не знала о своей участи, знала только о надзоре, о поражении в правах, о невозможности бывать дома в Ленинграде. Молодость, увлеченность работой, творчеством, успех позволяли ей не замечать своего положения.

Затем была работа в Петрозаводском театре музыкальной комедии в должности дирижёра и музыкального руководителя, многочисленные гастроли по Карелии.

С началом войны театр в Петрозаводске расформировали и в начале 1942 г. Раису Денисовну пригласили поработать музыкальным руководителем в Дом Флота при Учебном отряде Северного Флота на Соловках. Она согласилась, думая, что ненадолго...

Как писали в «Советской культуре», «приехала Раиса Денисовна, когда Соловки были военным островом. Самое тяжелое время — 1942 год, и вдруг — ошеломляющий контраст — молодая,

пленительно красивая женщина. Не врач, не связистка, не офицерская жена — музыкант. Её изысканные концертные платья на фоне сплошных чёрных бушлатов. Она оставалась для всех Раечкой, вопреки жёсткой военной субординации...Командование трепетно относилось к искусству, это кажется несовместимым с тем, что нам известно о войне, особенно о войне на Севере. Но так было, и не раз, где-нибудь в финале «Без вины виноватых» — выходил с бокалом подкрашенной воды большой начальник в бессловесной роли, но тоже участник спектакля...»[1]

В 1944 г. командовавшие Учебным отрядом В.Гришанов, П.Броневицкий пишут ходатайства о снятии судимости с Жеребцовой Р.Д. К письмам прилагаются список наград и благодарностей за успешную работу. В 1945 г. состоялось слушание этого дела, которое закончилось положительным исходом. Судимость сняли, но только формально. Вернуться домой, в Ленинград, было запрещено, да и дома уже не было. Отца арестовали. Он пропал без вести (расстрелян в 1937 г.), в войну погибли три брата, мать умерла в 1945 г. на Соловках.

В 1946 г. Учебный отряд переводят в Выборг. Официально с этого времени Раиса Денисовна осталась руководителем музыкального кружка в матросском клубе, но фактически руководила всей художественной самодеятельностью на острове. Занималась с солистами, ансамблями, работала с чтецами, по слуху — с радио записывала новые песни, делала аранжировки, но самое главное в её деятельности — работа с хором.

Хоров было много и в военное, и в послевоенное время. На ежегодных смотрах выступали 3–4 хора с разной программой, но с одним руководителем. Позже, в 70-е гг., когда Раиса Денисовна работала в школе, в хоровых выступлениях участвовали дети. Концертным залом школы была пионерская комната. Раиса Денисовна занималась с каждым хористом индивидуально, как с солистом.

В 1959–1960 гг. она поставила на острове оперу П.И. Чайковского «Евгений Онегин». Вокальные партии исполняли врач военного госпиталя М.А.Гулянская (Татьяна), матросы В.Александров, А.Туйков (Онегин), В.Колесников (Ленский), Ю.Попов (Гремин), учителя островной школы В.И.Таранова (Ларина), М.И.Андреева (няня), выпускница школы Л.Борисенко (Ольга). «...Затевая безумное предприятие с «Онегиным», Раиса Денисовна ни минуты не заблуждалась насчёт того, каким недолговечным и хрупким будет это её создание. И верно, через некоторое время Ольга вышла замуж, Онегина демобилизовали, Ленского перевели, спектакль перестал существовать, да на Соловках и не могло быть по-другому...»[1]

В одном из писем Раиса Денисовна писала: «...Каждый коллектив я провожала болезненно, так как делала его с большими трудностями. В каждом коллективе я уже слышала профессиональное звучание, в каждом коллективе были одарённые люди-вокалисты, с которыми я упорно занималась отдельно. И так было из года в год...» Расставания с друзьями и учениками, с которыми она сближалась во время жизни на Соловках, давались ей тяжело.

В 1959 г., во время «хрущёвской оттепели», Раиса Денисовна была реабилитирована. Узнала она об этом лишь в 1993 г.

О Р.Д. Сысоевой вспоминают

Любовь Ивановна Смирнова, учитель:

Концерт для соловчан — всегда событие. Не в каждом доме был телевизор. Фильмы в поселковом клубе показывали одни и те же. Поэтому каждый концерт собирал в зале все

население поселка от мала до велика. Особенно запомнились программы, проходившие в Доме Флота (здание агарового завода). Хор занимал всю сцену. Создавалось впечатление, что там стояло примерно полтысячи человек. Раздавались овации — и появлялась Раиса Денисовна: всегда красивая, строгая, изящная. Нам, детям, она казалась феей. А на острове ходили слухи, что она из графской семьи: так не похожа она была осанкой, сдержанностью, умением держать себя на сцене на всех остальных наших артистов. Было что-то в ней особое, присущее только высоко культурным, интеллигентным людям.

Я всегда поражалась, насколько она трудоспособна и предана своему делу. Раиса Денисовна назначала репетиции по голосам с утра и до поздней ночи. Мы уставали, ворчали на нее, уходили с репетиций, а она продолжала работать, поддерживая нас похвалой или шуткой.

В хоре не было профессионалов и часто пели даже те, кому, как говорится, «медведь на ухо наступил». Но Раиса Денисовна умела работать с людьми и внушить человеку, что он замечательно поет.

Александра Владимировна Егорова:

Занятия в ее хоре дали мне заряд бодрости и жизнелюбия. Я научилась понимать музыку. Голос-то у меня несколько зычный. Мы считали, что чем человек громче поет, тем оно лучше. Помню, Раиса Денисовна все говорила мне: «Шурочка, потише» или «Шурочка, помолчи, послушай-ка вот того-то». Я не обижалась на нее. Наоборот, прислушивалась к другим, начинала петь чище. Интересно, что пение в хоре репетициями не ограничивалось. Как бы мы ни уставали, но, придя домой, обязательно непроизвольно начинали петь свои партии. Я до сих пор помню и пою песни, которые когда-то разучивала в хоре Раисы Денисовны.

Елена Алексеевна Постоева, учитель:

Помню, в классе седьмом у нас шел объединенный урок пения и немецкого языка. Мы разучивали песни на немецком языке. Класс был большой, под сорок человек. Было трудно угомонить такую ораву. Я, как примерная ученица, слушала Раису Денисовну и пела «Ein Sonnenkreis». Голосок у меня был тихий, тоненький и, как я считала, никудышный. И вдруг Раиса Денисовна жестом остановила ребят и сказала: «Послушайте, как чистенько она поет!» Это было высшей похвалой.

В годы работы пионервожатой в школе мне посчастливилось вместе с Раисой Денисовной проводить множество мероприятий, праздничных концертов, сборов и т.д. И все, за что бы ни бралась Раиса Денисовна, проходило «на ура». Это были праздники музыки и творчества!

Хотелось бы еще рассказать о том, как Раиса Денисовна искала для хора голоса. Если появлялся рядом какой-либо новый человек, он имел значение для Раисы Денисовны именно своим голосом. Так, однажды мне в школу позвонил муж. К телефону подошла Раиса Денисовна. Позвав меня, она сказала: «Леночка, вам звонит изумительный тенор. Он обязательно должен петь в нашем хоре».

Лидия Александровна Сухих, учитель:

Мне запомнились концерты, в программу которых входил «Полонез» Огинского. До Раисы Денисовны я и представления не имела, что на эту музыку написаны слова. Исполняли мы «Полонез» на несколько голосов. Когда репетировали, то единой картины, естественно, не получалось. Интересно, что все вместе мы не репетировали и только выйдя на сцену перед зрителями смогли услышать красоту этого произведения. Не было случая, чтобы хор не исполнял «Полонез» Огинского «на бис».

Маргарита Кимовна Останина:

Я помню, какие у нас в школе проходили праздники последнего звонка и выпускные балы. Это были не просто мероприятия, не просто концерты. Это праздники, где царила музыка. Она настолько проникала в души людей, захватывала их, что никто не мог сдержать слез радости, грусти, счастья!

Постоева Нина Федоровна:

Начальство не только нашей островной воинской части, но и всего Северного Флота очень уважительно относилось к Раисе Денисовне. К нам на Соловки в 60–70-е гг. приезжали военные комиссии, которые проводили смотры художественной самодеятельности в воинских частях Северного Флота. В эти комиссии входили не только командиры СФ, но и довольно известные в то время военные дирижеры. И вот однажды, в 1965 г., наш хор под руководством Р.Д.Сысоевой занял первое место среди всех художественных коллективов Северного Флота. Нас тогда всех наградили грамотами за активное участие в художественной самодеятельности. Да, жизнь тогда на острове кипела!

Из отдельных выступлений особенно запомнилось сольное исполнение матроса Соловьева. Очень у него был чистый и приятный голос. Хорошо помню, как на концертах объявляли: «Музыка Соловьева-Седова. Песня «Соловьи». Исполняет матрос Соловьев».

Тимур Постоев[2]:

Мои личные воспоминания о Раисе Денисовне очень отрывочны и незначительны. Впервые я встретился с ней, когда мне было года три. Мы пошли с мамой погулять за школу и повстречали тогда еще совсем не знакомую мне и очень не похожую на других бабушку. Я рос, все так же гулял с мамой в лесочке за школой и часто встречал там эту необычную бабушку. Она всегда останавливалась и разговаривала с мамой, и почему-то говорила, что я «удивительный ребенок».

Мария Ивановна Чистякова, учитель:

Люди на Соловках были замечательные, талантливые, и артисты из них получались хорошие, хоть и не профессиональные. Тем не менее для многих занятия с Раисой Денисовной стали первой ступенькой в дальнейшей музыкальной жизни. Я помню матроса Коротченко. Он очень душевно исполнял песню «Пшеница золотая». Так вот, впоследствии его взяли из нашей воинской части в ансамбль Северного Флота. А «открыла» его музыкальный талант и развила Раиса Денисовна.

Довелось мне слышать и хор при Учебном отряде СФ. Это было что-то потрясающее! Мне запомнился концерт в Доме Флота на 23 февраля (где-то 60-е годы). Раисой Денисовной была подготовлена композиция, отражающая смену исторических эпох (причем литературный текст подобран и скомпонован был также Раисой Денисовной). Это было что-то поистине грандиозное, что без тени сомнения можно было поставить на большой сцене столичного города!

Еще помню такой случай. Приехал на Соловки новый офицер с семьей. Жена его оказалась музыкальным работником и ее взяли работать в военный клуб. Раиса Денисовна в то время работала в школе, но и все поселковые мероприятия проходили под непосредственным ее руководством. С приездом новой работницы Раиса Денисовна немного отошла от участия в культурной жизни острова, замкнулась на школе. Новый музыкальный руководитель объявила набор в хор. Я с Валентиной Яковлевной Сараевой решила пойти на первую репетицию, которая оказалась для нас и последней. Не могли мы после занятий с Раисой Денисовной Сысоевой петь у кого-то другого. Неинтересно было, скучно. Уткнется наш новоиспеченный руководитель в клавиши, мы и лица-то ее разглядеть не могли. А ведь Раиса Денисовна одновременно играла на инструменте и дирижировала хором.

Александр Яковлевич Мартынов, с.н.с. Соловецкого музея-заповедника, руководитель Детской археологической школы:

Мне довелось петь в хоре Раисы Денисовны Сысоевой около десяти лет, в 1980-е гг., и должен сказать, что многое в работе маэстро поражало тогда и удивляет сейчас, по прошествии многих лет. Она была не простым и не легким в общении человеком, и порой возникало желание все бросить и уйти из хора. Однако какая-то сила снова и снова переламывала настроение и вела нас на очередную репетицию. Сейчас я думаю, что причина в одном: то, что делала Раиса Денисовна, было настоящим делом, где не было места халтуре и «показухе». А нас, таким образом, она поднимала до уровня профессионального восприятия и понимания песенного (эстрадного) искусства... Иногда в отчаяние приводила ситуация, когда до концерта остается один день, а у нас не было ни одного общего «прогона», не говоря уже о генеральной репетиции. А чего стоили «поиски» затерявшихся куда-то нот во время концерта?! Казалось, все — провал! Ан нет! И зрители терпеливо ждут, пока найдутся злополучные ноты, и после каждого номера — аплодисменты, да еще какие, а в финале концерта — непременные овации. Одним словом, она знала что-то такое (непонятное нам, участникам концертов, и зрителям), что позволяло вести хор к успеху таким необычным способом.

Ольга Александровна Крестовская, художник:

Мы познакомились в 1986 г., когда я первый раз приехала на Соловки. Раиса Денисовна была человеком утонченной культуры, с какими-то очень детскими глазами, с очень непосредственным восприятием мира, и, конечно, она была человеком искусства. Она воспринимала мир через звуки.

Она мне представляется неким диковинным цветком, занесенным в соловецкую зиму. Иногда она с жалостью говорила: «Никто не знает, а я ведь была в Италии!»

Книги можно взять с собой, их читать, но оказаться без музыкальной культуры, которой ты живешь, в изолированном месте... Она несла эту культуру в себе. Мне кажется, что она слышала в себе все оперы, она их знала наизусть, они жили в ней. Я редко встречала людей, которые получали бы такое удовольствие от цвета, от живописи. Как музыкант она необыкновенно чувствовала цвет. Парадокс — маленькая, хрупкая, просто одетая женщина, но в то же время чувствовалось, что в ней существует свой собственный внутренний мир, совершенно не соприкасающийся с миром вокруг нее. Она была человеком другого века.

Когда мы познакомились ближе, Раиса Денисовна немного стала рассказывать о своей судьбе, полностью не рассказывая о ней до самого конца, и я долго не знала, что она была репрессированной. В самую последнюю нашу встречу она мне сказала: «Они мне столько лет не сообщали, что я — свободный человек! Что с меня все обвинения сняли!» Это была ее страшная боль. Но это был не сломленный человек, в ней не было ничего жалкого, угнетенного, раздраженного, обиженного. В ней, скорее, было детское недоумение: «Как же так? Почему ей не сообщили, что она свободна?» Не потому, что она хотела куда-то уехать, а просто, чтобы чувствовать себя свободным человеком.

«Черные мысли весь день не дают мне покою»

Мухи, как черные мысли, весь день не дают мне покою:
Жалят, жужжат и кружатся над бедной моей головою!
Сгонишь одну со щеки, а на глаз уж уселась другая,
Некуда спрятаться, всюду царит ненавистная стая,
Валится книга из рук, разговор упадает, бледнея...
Эх, кабы вечер придвинулся! Эх, кабы ночь поскорее!
Черные мысли, как мухи, всю ночь не дают мне покою:
Жалят, язвят и кружатся над бедной моей головою!

Только прогонишь одну, а уж в сердце впилася другая, —
Вся вспоминается жизнь, так бесплодно в мечтах прожитая!
Хочешь забыть, разлюбить, а всё любишь сильней и больнее...
Эх! кабы ночь настоящая, вечная ночь поскорее!
А. Н. Апухтин. Мухи. 1873

Раиса Денисовна Сысоева — Марианне Анатольевне Гулянской[3]

2 мая 1983 г. 4 часа утра

Есть такой романс (не помню чей). Всё звучит и звучит: «Мухи, как черные мысли, весь день не дают мне покою: Жалят, жужжат и кружатся над бедной моей головою!»

Так вот — никак не уснуть. Всё продолжаю наш телефонный разговор. Как мы с Надей были рады Вам, дорогая Марианна Анатольевна! Всплывает всё былое, давнее, незабываемое, дорогое.

И опять из того же романса: «Вся вспоминается жизнь, так бесплодно в мечтах прожитая! Хочешь забыть, разлюбить, а всё любишь сильней и больнее... Эх! кабы ночь настоящая, вечная ночь поскорее!»

Если мы еще когда-нибудь встретимся, я Вам проиграю этот романс, даже хочу выучить с Вами.

Когда я сюда приехала, меня очень тепло встретила семья (командира Учебного отряда) генерал-майора П.С. Броневицкого. Жена его Мария Александровна (старожилы тепло вспоминают ее и сейчас) пела у меня в хоре. На репетиции приводила за собой сразу весь женский состав. Обычно после работ на подсобном хозяйстве. Генерал тоже очень любил самодеятельность, чутко откликался на все мои творческие нужды, на концертах хору и вокалистам первым басил на весь зал «Браво!».

Так вот (жили мы в одном доме), приходя совсем поздно домой, я частенько по просьбе М.А. поднималась к ним на второй этаж (реплика М.А.: «Петик, Раечка пришла, вот радость-то!»). «Петик» обладал прекрасным баритоном, любил он этот романс, пел его раньше, чем мы и начинали урок. Вот так. Сначала мелодия, и пошло дальше. Время, люди, и какие люди! Какие ансамбли и сколько их, кажется, никакие не забыты.

Мы с Вами с таким трепетом вспоминаем наш спектакль, а ведь к тому времени уже и Учебного отряда не было, осталась такая маленькая часть, а хорошо же было! Представить, вообразить можно, как было грандиозно, в смысле торжества при отряде, какие большие программы, оркестры и т.д. Первым в моей первой программе на Соловках звучал только что появившийся в 1942 г. Гимн Советского Союза.

В декабре 1982 г. праздничный концерт к 60-летию я открыла этим же Гимном, прибавив к общему хору (островитян, военных из в/части) детский состав. Звучало красиво. А кто знал, что было у меня на душе? Ничего себе — жива традиция, и сколько лет! С 42-го года!

Что же касается нашего с Вами спектакля («Онегина»), так до сих пор ничто не забыто, всё еще волнует это детище. Ленинградский Оперный театр открыл свои гастроли в Москве «Онегиным».

Надя, придя из библиотеки домой, спрашивает:

— Транслируют «Онегина». Почему не включаешь?

Отвечаю:

— Боюсь.

Всё же решилась, включила. — Не слыхали ль вы? — Душой и всеми помыслами весь вечер была с Вами. Так хотелось, чтобы и Вы слушали вместе с нами. Москвичи принимали восторженно. Овациям не было конца. Но... Вы помните, что — соловчане тоже восторгались искренне. Овации и у нас были. А после спектакля в Доме Флота мы целый батальон (зрителей) лишили сна. Бедным матросикам казалось (они рассказывали), что они побывали дома. Тут я вспомнила, как Вы сказали в антракте, выступая в островном клубе: «Как хорошо, что Р.Д. привезла из школы пианино!» И как поразились, узнав, что ничего не привозили, а Р.Д. за ночь настроила страшный клубный инструмент, а начальник ДВМФл Шмаванов, поздравляя нас с успехом, уверял, что в течение всей оперы «слышал» звучание оркестра.

Марианна Анатольевна, милая, как обидно, что Вы не здесь сейчас.

Были холодные, сырые дни, а сегодня так тихо, потеплело, появилась травка. Набухают почки и стоят пароходы на рейде, архангельские. Вы же вполне успели бы сегодня и завтра походить по острову Вашей юности. Я вот несу парное молоко, и не Вам! Ведь только вторник, а лететь Вам в субботу.

Только, конечно, погода может быть опять плохая. Я хочу все же вызвать Вас на переговоры в Архангельске. Может быть, Вам можно задержаться? Вы в Архангельске одна?

Я так растревожилась, разволновалась, обрадовалась Вам, что, идя с почты, где-то, видимо, прямо на дороге (я теперь так умею) бросила (в смысле потеряла) свои очки. Несла я в руках их, без сумки. Пишу на ощупь. Не успела дать адрес Гали. Если успею сообщить — постарайтесь к ним зайти или позвонить. Они будут очень рады.

Я Вам звонила из Ленинграда несколько раз. Никого не было.

А на аэродром соловецкий я примчалась тогда, когда большой самолет еще только собирался вылетать, но вас никого не было у самолета. Я в страхе направилась весьма стремительно к начальнику аэропорта Киму Ал., прошу — посадите же, обещали же (я из школы ему звонила). Он мне: «Кого?» Я: «Врачей». Он: «Они уже 20 минут как в полете!»

Радость, конечно, что Вы вылетели, наконец. Ну а осадок ужасный: мы с Наденькой были в разное время на аэродроме и обе опоздали. Потом, уже встретившись дома, скрывали друг от друга эту досаду, как и все неприятности вообще. Предали Надюшины незабудки: показалось мне странным, почему она их не отдала Вам. Собирала она их в ожидании подхода Вашего к самолету, не зная, что Вы уже были в воздухе, а задержал ее дедушка-читатель, постеснялась она его поторопить. Дедуля этот умер недавно. Третьяков.

За последние два года наше кладбище очень пополнилось, старожилов уже почти совсем нет.

Материал подготовлен Галиной Александровной Игумновой и Надеждой Александровной Сысоевой

[1] Д. Акивис. Человек на своем месте. // «Советская культура». №20 (5132). 8 марта 1978 г.

[2] Работа Тимура Постоева о Р.Д.Сысоевой в 2003 г. была представлена на конкурс молодежных публицистических работ «Наши Соловки». Воспоминания жителей Соловков цитируются по этой работе.

[3] Марианна Анатольевна Гулянская — исполнительница роли Татьяны Лариной в опере «Евгений Онегин», поставленной Р.Д.Сысоевой.

Источник: информационный портал SOLOVKI.INFO